

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ СЕМЬЯ КАК МИКРОМОДЕЛЬ ФРОНТИРА И ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

Бичарова М.М.

Бичарова Мария Михайловна, Каспийский институт морского и речного транспорта, 414000, Астрахань, Россия, ул. Никольская, 6., Эл. почта: valkirija@inbox.ru

В настоящей статье рассматривается интернациональный брак как социокультурный феномен через призму проблемы культурной безопасности. Вопрос культурных различий рассматривается как важный сопутствующий фактор, влияющий на общение и взаимопонимание внутри такой семьи. На фоне сложных взаимодействий двух культур, каждая из которых обнаруживает свою самобытность или специфику, супруги начинают приспосабливаться к культурным особенностям партнера, осваивая новые элементы общения и поведения. В результате этого комплексного процесса партнеры, так или иначе, приходят к «культурному равновесию» в новой интернациональной культурной среде. Это равновесие, однако, довольно хрупкое, поскольку в процессе адаптации к новой культурной среде, человек не утрачивает привычки и нормы поведения, усвоенные им в родной культуре. Этот факт дает основание предположить, что интернациональная семья является своеобразной микромоделью фронтального пространства, некой «приграничной зоной» между двумя странами, народами, культурами, религиями. Рассматривая интернациональную семью как микромодель фронта, можно глубже понять специфику культурных процессов, отличающих фронтальное пространство от традиционной картины мира.

Ключевые слова: фронт, интернациональная семья, «чужой», аккультурация, адаптация, маргинализация, культурная безопасность

О том, что семья представляет собой микромодель общества, отражая его особенности, тенденции развития, изменения и проблемы, в научном дискурсе говорят уже давно. Известно, что развитие института семьи и прогресс культуры – явления, тесно связанные друг с другом. Любые достижения человечества в процессе развития цивилизации находят свое отражение в семье, которая, в свою очередь, хранит и передает устои, традиции, моральные нормы, нравственные принципы и иные ценности, важные для человеческого общества. В духовном смысле семья – это одна из основ социокультурного развития цивилизации, которая принимает непосредственное участие в формировании морального и нравственного облика индивидуума. Во многом это участие осуществляется в процессе развития супружеских отношений, а также взаимоотношений между родителями и детьми и наоборот.

Национальную значимость семьи как универсального культурного концепта сложно преувеличить. Это всеобъемлющая ценностная категория, представляющая аксиологическую универсалию для любой культуры и цивилизации. В культурном сознании любой нации можно увидеть общие ценностные параметры, такие как общность, сплоченность, взаимовыручка,

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ проект №15-33-11172а (ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии»

преданность и любовь всех членов семьи друг к другу, покровительство, преемственность, уважение к старшим поколениям, важность продолжения рода.

Как в русской, так и в западной культурах, семья определяется как основа жизненного уклада и во-первых, содержательно связывается с такими понятиями как «кров», «очаг», «брак», «дети», а во-вторых отражает преемственность какого-либо аспекта в пространственно-временном отрезке: «история рода», «кровное родство», «родовое гнездо», «фамилия». В то же время, с точки зрения ценностных ориентаций, понимание семьи в различных культурах может коренным образом отличаться. Так в российской культуре семья представляет средоточие основных жизненных ценностей, достатка, счастья, тесно связана с понятиями «дом» и «очаг» и ассоциируется с чем-то добрым, хорошим, теплым. Концепт «семьи» в русском самосознании масштабен и его признаки присваиваются довольно обширному кругу людей, близких и дальних, кровных и некровных родственников. Это отличает представителей русской культуры, к примеру, от англичан, для которых семья – это только самые близкие родственники: муж, жена и дети. Коннотация итальянского концепта семьи значительно шире, так как семьей итальянцы часто считают всех граждан государства. У французов семья ассоциируется не столько с понятиями сплоченности и поддержки, сколько с обременением, поскольку ценностные ориентиры французов несколько смещены в сторону индивидуализма (Любарт, 2005, стр. 9).

Все эти национальные различия в оценке и понимании семьи особенно остро проявляются в международном браке, когда в союз вступают партнеры, являющиеся представителями разных культур, имеющие разное происхождение, язык и, возможно, вероисповедание. С точки зрения семенных взаимоотношений вопрос культурных различий рассматривается как важный сопутствующий фактор, влияющий на общение и взаимопонимание внутри семьи. Исследуя феномен международного брака, ученые используют множество терминов, таких как межкультурный, межграницный, транснациональный, межэтнический и т.д., акцентируя, судя по всему, внимание на отдельных сторонах этого сложного и многогранного предмета исследования. Мы используем термин «интернациональный брак», являющийся, по нашему мнению наиболее всеобъемлющим и подразумевающим брак, не ограниченный рамками одной нации, а распространяющийся на несколько народов. Такой термин позволит нам рассматривать брак с иностранным партнером в нескольких аспектах: культурном, национальном, религиозном и пр.

Заключая интернациональный брак, партнеры создают не только прочные связи между двумя людьми, между семьями, о также закладывают основу для тесного взаимодействия двух разных культур. Ценностное восприятие семьи многих людей определяется правилами поведения, традициями и нормами, принятыми в культуре, к которой они принадлежат, и это, безусловно, влияет на их поведение и поступки

внутри вновь созданной семьи. Поскольку «эти нормы очень отличаются в разных обществах и зависят от стереотипов и ожиданий, обусловленных культурой» (Heaton, 1996, p. 203), неизбежно возникновение некоторых противоречий, которые сглаживаются и устраняются в процессе адаптации. На фоне сложных взаимодействий двух культур, каждая из которых обнаруживает свою самобытность или специфику, партнеры начинают приспосабливаться к культурным особенностям партнера, осваивая новые элементы общения и поведения. В результате этого комплексного процесса супруги, так или иначе, приходят к тому, что можно назвать «культурное равновесие» в новой интернациональной культурной среде. Это равновесие, однако, довольно хрупкое, поскольку в процессе адаптации к новой культурной среде, человек не утрачивает привычки и нормы поведения, усвоенные им в родной культуре. Этот факт дает нам основание предположить, что интернациональная семья является своеобразной микромоделью фронтального пространства, некой «приграничной зоной» между двумя странами, народами, культурами и/или религиями.

Фронт, будучи специфическим пограничным состоянием, обуславливает возникновение особой картины мира, отвечающая новым условиям, в которых оказываются супруги, вступившие в интернациональный брак. В отличие от стереотипных норм поведения, тех, которые были бы очевидны и понятны в их собственной культуре, партнеры вынуждены формировать совершенно новые системы общения и поведения. Традиционная картина мира одного супруга, отражающаяся в его родном языке, литературе, культуре, идеологии и стереотипах, оказывается, не отвечает новым условиям, в которых сталкивается с иной картиной мира другого партнера, которая также наполнена сложной системой знаков и символов, отраженных в плодах интеллектуальной, материальной или творческой деятельности людей. Две национальные картины мира, сталкиваясь в микропространстве интернационального брака, становятся особой пограничной территорией, обладающей специфическими маркерами фронта, своеобразными историческими и культурно-символическими признаками, позволяющими говорить о фронте как процессе и результате социального конструирования реальности (Turner, 1996).

Обратимся к некоторым признакам фронта, выделенным учеными на современном этапе, и сопоставим их с чертами, присущими интернациональной семье.

Чаще всего о фронте говорят как о территории, за которой закрепляется так называемые фронтующие социокультурные, «цивилизационные» группы, что определяет его этнокультурную неоднородность и провоцирует возникновение «подвижной границы». Как правило, одна группа, вступающая во фронтальное взаимодействие, является доминантной (она в большинстве), то есть, ориентирована на господство, претендующая на право владеть пространством, а другая – идентифицируется в эволюционистской системе координат – как «примитивное общество» (Тернер, с. 14). Таким образом, территория, на

которой сталкиваются две эти группы, становится «пространственной переходной зоной» (Родоман, 1999, с. 26–27), а фронтир рассматривается как маргинальная зона. На уровне интернациональной семьи такие явления легко сопоставить с процессом аккультурации при вступлении в отношения с партнером – представителем иной культуры, поскольку, один из супругов, так или иначе, становится «принимающей стороной», т.е. доминантной, а второй – «приемником» чужой семьи, которая в большинстве, иной социокультурной среды. Зачастую это происходит посредством маргинализации, когда в силу каких-то внешних либо внутренних причин, партнеру сложно сохранить собственную идентичность и одновременно невозможно получить новую, предположим, из-за дискриминации со стороны новой культуры. Так происходит потеря идентичности с собственной культурой, и отсутствует идентификация с культурой принимающего большинства.

Исходя из первой черты фронта, логически вырисовывается вторая его особенность – неравная численность фронтлирующих групп (Басалаева, 2012, стр. 47). Применительно к интернациональной семье, собственно, этот критерий фронта становится причиной маргинализации одного из супругов и, как следствие, маргинальности семьи в целом, которая занимает промежуточное положение в социальной структуре общества и условно выходит за рамки нормы. Это обусловлено их особой маркированностью на фоне монокультурных браков, которые, естественно, численно преобладают. Показателем маргинальности интернационального брака становится, в первую очередь, возникновение недоверия, предубеждения к семье из-за принадлежности одного из супругов к иной этнической группе или конфессии, что выражается в частом акцентировании внимания на этом (напр., «она вышла замуж за мусульманина»).

Две вышеназванные черты зачастую становятся причиной возникновения третьей: амбивалентно-конфликтного взаимодействия фронтлирующих групп. Социокультурная адаптация заключается в умении свободно ориентироваться в новой, другой культуре и обществе, решать повседневные проблемы в семье, в быту и профессиональной деятельности (Грушевицкая, 2002, стр. 2011). Очень важную роль здесь играет то, как принимающая семья и общество относятся к новой образовавшейся интернациональной семье. Зачастую на фоне стрессогенного воздействия чужеродной культуры, а также в силу отсутствия поддержки со стороны окружающих, адаптация к новой культуре выражается не в приспособлении, а в сопротивлении, попытке изменить среду своего нового обитания, что сводит на нет счастливые брачные отношения и удовлетворенность браком, приводя вместо этого к конфликтам вплоть до развода.

Таким образом, обоим супругам приходится преодолевать определенные трудности в процессе аккультурации. Этот процесс проходит посредством коммуникации. Равно как представители собственной нации приобретают в процессе взросления и обучения культурные особенности своей страны, то есть проходят инкультурацию, через взаимное общение и

взаимодействие, так и представители чужой нации, прибывая в принимающую страну, начинают знакомиться с ее культурой и овладевать необходимыми социальными и коммуникативными навыками через общение.

В связи с новыми непривычными условиями, в которых оказывается человек, проходящий аккультурацию в новом для него обществе, меняется его картина мира, происходят существенные изменения в структуре познания. Постигая систему организации другой культуры, они подстраивают свои собственные процессы под те, которые используют носители другой культуры.

Основным признаком того, что человек адаптировался к чужой культуре можно назвать то, насколько он приобрел соответствующие навыки поведения в конкретных бытовых и жизненных ситуациях: насколько он владеет языком, способен ли делать покупки, знает ли как платить налоги и т.п. На этой стадии формируется еще одна характерная черта фронта: дальнейшая социокультурная и этническая ассимиляция фронтальных групп. Ф. Дж. Тернер, исследуя американский фронт, говорит о подобном влиянии на уровне социальных стратегий и приводит яркий пример того, как жители американских колоний поощрялись за добытые в бою с индейцами скальпы. «Одна из жительниц Хейверхилла получила свои 50 фунтов стерлингов за трофеи в десять скальпов» (Тернер, 1996, стр. 15). Конечно, на уровне интернациональной семьи, как микромоделей фронта, говорить о таких поощрениях приходится, однако это четко проявляется в психологическом и социокультурном аспектах. Адаптация в психологическом плане выражается в удовлетворенности своей жизнью в новой культуре. Речь идет и о хорошем расположении духа, психологическом здоровье, и о четкой сформированности личной и культурной самоидентичности. Социокультурная адаптация проявляется собственно в тех приобретенных навыках поведения в житейских ситуациях, о которых говорилось ранее. Добиться такого психологического и социокультурного равновесия довольно сложно в связи с присутствием вышеописанных фронтальных черт интернациональной семьи. Неизбежно, чужая культура, воспринимаемая человеком как нечто чужеродное, непривычно и порой даже опасное, оказывает стрессогенное воздействие на его психологическое состояние, которое сопровождается целым рядом негативных ощущений:

- напряжение из-за усилий, прилагаемых для достижения психологической адаптации;
- чувство потери из-за лишения друзей, своего положения, профессии, собственности;
- чувство одиночества (отверженности) в новой культуре, которое может превратиться в отрицание этой культуры;
- нарушение ролевых ожиданий и чувства самоидентификации;
- тревога, переходящая в негодование и отвращение после осознания культурных различий;
- чувство неполноценности из-за неспособности справиться с

ситуацией (Грушевицкая, 2002, стр. 2016).

На фоне таких ощущений человек начинает либо воспринимать культуру своего супруга как негативное явление, доставляющее ему неудобства и вызывающее негативные эмоции, либо переоценивает собственную культуру в отрицательную сторону, перестает воспринимать ее как ценность. Таким образом, когда в интернациональном браке встает вопрос о включении чужого культурного мира, социокультурных реалий, в свое привычное культурное сознание, можно говорить о проблеме культурной безопасности.

Проблема безопасности чрезвычайно сложна и многослойна, а само понятие «безопасность» распространяется на весьма широкие сферы: от государственной безопасности до безопасности жизнедеятельности. Причем появляются все новые сферы, требующие особого внимания к безопасности, в том числе культурная и конфессиональная.

Термин культурная безопасность достаточно новый и еще недостаточно разработанный теоретически. За рубежом первые определения культурной безопасности начали появляться именно в культурологическом ключе только в последние десятилетия, когда она стала трактоваться, прежде всего, как «способность общества сохранить специфические характеристики несмотря на изменяющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы: более подробно, это включает, постоянство традиционных схем языка, культуры, идентичности, сообществ, национальных или религиозных обычаев, оставляющих для изменения все, что должно быть исключено» (Scott, 2004).

В отечественной литературе термин «культурная безопасность» трактуется широко и включает в себя культуру и как объект, и как фактор обеспечения безопасности. «Культурная безопасность есть не только поддержание безопасности в культурной сфере, как то предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников, но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания... Это и защита культуры от угроз и одновременно создание условий для ее гармоничного развития» (Романова, 2013) Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, то поддержание наработанных в обществе в целом культурных паттернов во многом стабилизирует ее. Вполне справедливо в этом случае замечание А.Я. Флиера о том, что по-настоящему безопасное общество то, где люди в абсолютном большинстве своем сознательно и целенаправленно соблюдают общепринятые нормы жизнедеятельности, т.е. являются культурными (Флиер, 1998). Этноконфессиональная безопасность является частью культурной безопасности. Этот термин так же еще недостаточно устоялся, хотя в последние годы появляется в том или ином виде в научной литературе.

Этноконфессиональная безопасность представляет собой основу культурной безопасности и может быть представлена в том числе и как «система государственных гарантий и поддержки духовного потенциала народов и наций и одновременно противодействий угрозам свободе

вероисповедания и межрелигиозному согласию (Нысанбаев, 2003, стр. 92).

Под этноконфессиональной безопасностью понимается как система сохранения контентного содержания любой конфессии и ее культовой оболочки, а так же этнической идентичности, так и предотвращение конфликтов на конфессиональной и этнической почве. Под этноконфессиональной безопасностью может рассматриваться система условий для полноценного развития различных конфессий в едином культурном пространстве, предотвращающая или, по крайней мере, смягчающая конфликты, связанные с этноконфессиональной принадлежностью. В основе основной массы таких конфликтов лежит гипертрофированное восприятие «другого» человека как «чужого».

В отношениях между супругами интернациональной семьи, как в зеркале, отражаются проблемы культурной и этноконфессиональной безопасности, и главная причина – фронтальное пространство, в котором приходится сосуществовать представителям двух разных культур.

Каждая культура имеет множество символов и образов, а также стереотипов поведения, с помощью которых мы можем автоматически действовать в разных ситуациях. Когда мы находимся в условиях новой культуры, привычная система ориентации оказывается неадекватной, поскольку она основывается совсем на других представлениях о мире, иных нормах и ценностях, стереотипах поведения и восприятия.

Процесс преодоления возникающих проблем и угроз очень похож на ступени адаптации после культурного шока, описанные К. Обергом. Первый период называют «медовым месяцем», потому что, оказавшись в другой стране супруги полны энтузиазма и надежд, к их приезду готовятся, их ждут, и на первых порах они получают помощь и могут иметь некоторые привилегии в «другой» семье. Этот период быстро проходит, и на втором этапе непривычная, «другая» окружающая среда и культура начинают оказывать свое негативное воздействие. Все большее значение приобретают психологические факторы, вызванные непониманием супруга, местных жителей, уклада жизни. Результатом может быть разочарование, фрустрация и даже депрессия. Поэтому в этот период мигрирующий супруг пытается убежать от реальности, общаясь преимущественно со своими земляками и жалуясь им на жизнь.

Третий этап становится критическим, так как культурный шок достигает своего максимума. Это может привести к физическим и психическим болезням. Часть супругов сдается, у них начинаются серьезные конфликты, непонимания, обиды и некоторые возвращаются домой, на родину. Но если семейные отношения дороги, то супруги находят в себе силы преодолеть культурные различия, учат язык, знакомятся с другой культурой, обзаводятся местными друзьями, от которых получают необходимую поддержку.

На четвертом этапе появляется оптимистический настрой, партнеры становятся более уверенными в себе и удовлетворенными своим положением в новом обществе и культуре. Приспособление и интегрирование в жизнь

нового общества продвигается весьма успешно.

Полная адаптация к новой культуре достигается на пятом этапе. Индивид и окружающая среда с этого времени взаимно соответствуют друг другу. Пять ступеней адаптации составляют U-образную кривую развития культурного шока, которая характеризуется следующими ступенями: хорошо, хуже, плохо, лучше, хорошо.

Процесс аккультурации для обоих партнеров будет проходить в соответствии со стратегией, которую они выберут для себя. Маркофф предлагает следующие схемы взаимодействия культур:

– одностороннее приспособление: один партнер приспосабливается к культурным особенностям другого;

– попеременное приспособление: осознанно выбирается попеременно культурная модель поведения одного партнера, затем другого;

– компромисс: партнеры принимают решение действовать в соответствии с создавшейся ситуацией, не отдавая предпочтение ни одной из культур или моделей поведения;

– смешанное приспособление: объединение культур, когда партнеры, действуя строго в рамках своих культур, постоянно совмещают их.

– творческое приспособление: партнеры решают отказаться от своих собственных культурных традиций и стереотипов, и создают новые самобытные, характерные именно для их семьи, модели поведения (Markoff 1977, стр. 39).

Итак, интернациональную семью можно считать своеобразной микромоделью фронтального пространства, в котором взаимоотношения между супругами определяются системой культурно обусловленных индивидуальных, родительских, общесемейных и общечеловеческих ценностей, составляющих основу самоидентификации личности. Расхождение культурных ценностей, противопоставление «свой» – «чужой», пограничное положение такой семьи в обществе наблюдается на приватном уровне семейного общения, однако это есть отражение столкновения различных норм и традиций в декодировании одних и тех же знаковых систем разными культурами. В связи с этим разработка техник и моделей разрешения возникающих конфликтных ситуаций, связанных с культурными противоречиями и разногласиями в интернациональной семье, вероятно, может способствовать поиску способов предотвращения угроз культурной безопасности на уровне целого государства.

Библиографический список:

1. Басалаева, И. П. (2012) Критерии фронта: к постановке проблемы. *Теория и практика общественного развития*. № 2. с. 46-49.
2. Грушевицкая, Т. Г., Попков, В. Д. & Садохин, А. П. (2002) *Основы межкультурной коммуникации* : Учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. С. 211.
3. Любарт, М. К. (2005) *Семья во французском обществе: XVIII –*

начало XX века. М.: Наука, 2005. 296 с.

4. Нысанбаев, А. & Кадыржанов Р. Безопасность Казахстана. *Казахстанская правда*. 2003. с. 92.

5. Родоман, Б. Б. (1999) *Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии*. Смоленск.

6. Романова, А. П. & Топчиев, М. С. *Конфессиональная политика и конфессиональная безопасность Прикаспия*. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011.

7. Романова А. П., Якушенков С. Н., Хлыщева Е. В. & Топчиев М. С. (2013) *Чужой и культурная безопасность*. Москва: РОССПЭН. 215 с.

8. Флиер, А. Я. (1998) Культура как фактор национальной безопасности. *Общественные науки и современность*. № 3.

9. Heaton, T. & Albrecht S. (1996) The changing pattern of interracial marriage. *Social Biology*. Vol. № 43. P. 203.

10. Markoff, R. (1997) Intercultural marriage: Problem areas. *Adjustment in Intercultural Marriage*. Honolulu. С. 39.

11. Scott, F. (2004) Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security. *Northern Research Forum. Plenary on Security*. Yellowknife.

12. Turner, F. J. (1996) *The frontier in American history*. N.Y.: Courier Dover Publications. 375 p.

INTERNATIONAL FAMILY AS MYCRO-MODEL OF FRONTIER & CULTURAL SAFETY PROBLEMS

Bicharova M. M.

Bicharova Mariya Mikhailovna, Caspian Institute of Sea & River Transport, 414000, Astrakhan, Russia, 6 Nikolskaya St. E-mail: valkirija@inbox.ru

The international marriage as socio-cultural phenomenon is observed in the given article through the problem of cultural security. The question of cultural differences is studied as important attendant factor which influences on communication and understanding in such a family. On the background of interaction between two cultures while every one reveals its originality and specifics, marriage partners begin to adapt to cultural features of each other studying new elements of communication and behaviour. As a result of this complex process partners this or that way come to “cultural equilibrium” in new international cultural environment. This equilibrium, however, is rather fragile as during the process of adaptation to new cultural environment person doesn't loose customs and norms of behaviour acquired in his or her native culture. This fact lets us suppose that international family is a kind of micro-model of Frontier space, some “near-border zone” between two countries, peoples, cultures and religions. Investigating international family as micro-model of Frontier it is possible to better realize the specifics of cultural processes which differ Frontier space from traditional world picture.

Key words: frontier, international family, «Alien», acculturation, adaptation, marginalization, cultural security

References:

1. Basalaeva, I. P. (2012) Criteria of Frontier: to the question. *Theory & Practice of Social Development* (p. 46-49) No 2.
2. Grushevitskaya, T.G., Popkov, V.D. & Sadokhin, A. P. (2002) *Backgrounds of Intercultural Communication* : M.: UNITY-DANA, 2002. p. 211.
3. Lubart, M. K. (2005) *Family in French Society: XVIII – the beginning of XX century*. M.: Nauka. 296 p.
4. Nysynbaev, A. & Kadyrzhanov R. (2003) Security of Kazakhstan. *Kazakhstan Truth*. p. 92.
5. Rodoman, B. B. (1999) *Territorial areas and nets. Sketches on theoretical geography*. Smolensk.
6. Romanova, A. P. & Topchiev, M. S. (2011) *Confessional Policy and Confessional Security of Caspian Sea Region*. Astrakhan: Sorokin Roman Vasilievich.
7. Romanova A. P., Yakushenkov S. N., Khlyshcheva E. V. & Topchiev, M. S (2013) *Alien and Cultural Security*. Moscow: ROSSPAN. 215 p.
8. Flier, A. Ya. (1998) Culture as Factor of National Security. *Social Sciences and modernity*. No 3.
9. Heaton, T. & Albrecht S. (1977) The changing pattern of interracial marriage. *Social Biology*. Vol. № 43. P. 203.
10. Markoff, R. (1977) Intercultural marriage: Problem areas. *Adjustment in Intercultural Marriage*. Honolulu. C. 39.
11. Scott, F. (2004) Indigenous Identity as a Strategy of Cultural Security. *Northern Research Forum. Plenary on Security*. Yellowknife.
12. Turner, F. J. (1996) *The frontier in American history*. N.Y.: Courier Dover Publications. 375 p.